

Н.К. Семёнова

ЦЭТИ, ИВ РАН

Особенности традиционных внешнеполитических доктрин России и Китая

Выстраивание современных российско-китайских отношений и создание каких-либо прогнозов по их дальнейшему развитию невозможно осуществить без тщательного анализа прошлого, без знания истории взаимоотношений, без учёта сильного влияния консервативных традиций в Китае.

Ставший одним из ключевых феноменов социологии XX века, национализм в своих европейских формах верит в уникальность и безусловную ценность своих национальных культур. Но китайская националистическая идеология базируется на уверенности в культурном превосходстве и универсальной применимости собственных традиционных ценностей, иррациональном представлении о собственной этнической общности, как о единственном центре человеческой цивилизации и склонности рассматривать ценности любого другого народа исключительно сквозь призму ценностей своего собственного социума [9, с. 15].

Формирование основных принципов, на которых китайские правители строили взаимоотношения с близкими и дальними соседями, протекало одновременно с процессом складывания государственности, оформления идеологических и политических основ китайского общества. Формирующаяся система внешнеполитических отношений копировала иерархическую систему взаимосвязей, возникших в самом Китае. Под наименованием Поднебесная (Тянься) мыслился не только Китай, но и весь мир [2, с. 42]. Составляющие «систему вассалитета» формальные проявления «покорности», такие как, соблюдение определённых «протокольных» норм и ритуалов, соответствующий язык в официальной переписке – высокомерный с китайской стороны и

© Семёнова Н.К., 2014

уничжительный со стороны «покорного вассала», не являлись чем-то уникальным в международной практике древности и средневековья. Однако только в Китае настолько детально был разработан и столь скрупулёзно на протяжении многих веков соблюдался ритуал взаимоотношений правителей периферийных владений и народов с владыкой Поднебесной, что это позволяет говорить о существовании целостной, претендующей на глобальную универсальность, системы международных отношений, функционировании некоего своеобразного «китайского мирового порядка» [2, с. 43].

Концепция «открытости» китайской цивилизации для всех, кто попадает в поле её влияния, и неизбежной культурной ассимиляции, а фактически, китаизации других народов, искренняя уверенность, что рано или поздно все народы пойдут по «пути Китая», стала внешнеполитической парадигмой идеологии китаецентризма [5, 12.11.2013].

Определённая переоценка ценностей традиционной доктрины «вассалитета» произошла только тогда, когда впервые в истории «не сработал» принцип постепенной ассимиляции Китаем «варваров», пришедших на этот раз из Европы. Однако настойчивые попытки последующих миссий добиться уважения Китаем принятых к XIX веку абсолютным большинством государств норм и обычаев международного права закончились безрезультатно и лишь вызвали недоумение и раздражение китайской стороны [8, с. 51]. «Поступиться принципами» китайские императоры династии Цин не могли т.к. рисковали «потерять лицо» в глазах своих подданных и действительно лишиться легитимности своей власти и трона. Этим инстинктом самосохранения и стремлением продемонстрировать показное величие объясняется особое упорство и щепетильность, с которыми маньчжуры отстаивали устои конфуцианской идеологии и атрибуты «даннического» протокола [8, с. 52].

«Договорное унижение» Китая в результате его сокрушительного поражения в «опиумных войнах» 1840–42 гг. и 1856–60 гг. вскоре было идеологически компенсировано концепцией «системы неравноправных договоров», а практическая внешнеполитическая деятельность стала явно носить «многоярусный характер», демонстрируя во всей её изощренности черты китайской тактики и стратегии, известной в литературе как «стратегическая дипломатия»¹ – обеспечивающая реализацию стратегемы и черпающая средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства» [8, с. 52].

Перехода от традиционных «даннических» к современным «договорным» отношениям и вступления Китая в равноправную «семью

наций» не произошло. При формировании договорных отношений в новое время древнекитайская система «вассалитета» и основанный на ней «даннический» протокол не исчезли бесследно, традиционная культура оказалась недостаточно гибкой. Подтверждение этому – эволюция китайской государственности в духе китаецентризма: борьба Сунь Ятсена за право называться «собирателем китайских земель» [6, с. 28] и культивирования «китаизированного марксизма» Мао Цзэдуна – марксистская концепция стадийно-формационного социального развития, выстраивающая некую градацию народов и стран по критерию классовой и иной «зрелости» [5, 12.11.2013]. Конструирование взаимоотношений на основе идеологических факторов и личностных отношений партийных вождей и идеологов, употребление в китайских СМИ иерархизированных категорий («старший брат», «партия-отец», «третий мир», «сверхдержава», «гегемонизм» и т.п.), гипертрофированное стремление к самостоятельному подходу ко всем международным проблемам, обострённое чувство престижности и независимости, боязнь полной идентификации позиции КНР с позицией любой другой державы, традиционные навязчивые иерархизированные атрибуты стали стилем китайской дипломатии и вызывают ассоциации с традиционным прошлым [4, с. 38].

Современная малая выразительность и недостаточная акцентированность внешнеполитического курса Пекина, отрешивание от роли лидера – не укладывается в рамки китайской традиции и является поводом для тщательного анализа [5, 12.11.2013].

Для сравнения необходимо коснуться вопроса о становлении Российской государственности. Историческим фактором государственного и имперского строительства и инструментом формирования государственной политики царской России был процесс колонизации. В известном словаре Брокгауза и Эфрона даётся следующее определение этому понятию: «Колонизация» – массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев какого-либо цивилизованного государства» [13, Т. 30. С. 736].

Наиболее фундаментально тема «государство и колонизация» разработана В.О. Ключевским, для него колонизация являлась стержневым процессом в истории России, сформировавшим быт народа и определившим административное деление страны. Хорошо известно его замечание: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширяется вместе с территорией» [3, Т. 1. С. 50].

Историки «государственной» школы заложили основания традиции рассматривать Сибирь и Дальний Восток как «пространственные

и ресурсно-силовые факторы «прирастания» российского могущества». Восточные регионы осмысливались «как этапы или вехи экспансии европейской цивилизации (пусть даже в «перекодированном» русском варианте) на мировой периферии» [1, с. 64].

Расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией, это был ещё и сложный процесс превращения Сибири и Дальнего Востока в Россию, интеграции новых территорий и народов в общеимперское пространство. Военная наука, в рамках которой в основном и формируется российская геополитика, выделяла как один из важнейших имперских компонентов «политику населения» [12, с. 30], предусматривавшую активное вмешательство государства в этнодемографические процессы, регулирование миграционных потоков, манипулирование этноконфессиональным составом населения на имперских окраинах для решения военномобилизационных задач. Прежде всего, это было связано с насаждением русско-православного элемента на окраинах с неоднородным составом населения, или, как в случае с Приамурьем и Приморьем, с территориями которым угрожала демографическая и экономическая экспансия извне. Существовало осознанное беспокойство по поводу культурного воздействия на российское население на Дальнем Востоке со стороны китайцев, корейцев, японцев, монголов, и даже якутов и бурят, которые воспринимались в качестве конкурентов российскому имперскому колониционному проекту. Народы империи разделялись по степени благонадёжности, принцип имперской верно-подданности этнических элит стремились дополнить чувством национального долга и общероссийского патриотизма. Считалось необходимым разредить население национальных окраин «русским элементом», минимизировать превентивными мерами инонациональную угрозу как внутри, так и извне империи [10, 12.11.2013].

Успех переселенческой политики в Сибири объясняется тем, что она опиралась на традиции вольно-народной колонизации, которая, попадая в XIX в. под контроль государства, начинает служить задачам имперского закрепления новых территорий (в казахских степях, на левом берегу Амура, на побережье Тихого океана), решению проблем аграрного перенаселения в центре страны, созданию в стратегически важных пунктах военные укрепления, обозначая новый участок имперского периметра сетью казачьих станиц [10, 12.11.2013].

Крестьянская колонизация сознательно воспринималась как необходимое дополнение военной экспансии. Имперские власти стремились «параллельно с военной службой, организовать переселенческую службу. Вслед за военным занятием страны, — отмечал известный имперский публицист Ф.М. Уманец, — должно идти занятие

культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знамёнами и точно также как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца» [11, с. 33].

Придать империи большую стабильность, российскому имперскому строительству важный внутренний импульс и обеспечить национальную перспективу был призван стратегический резерв расширения имперского ядра на запад и юго-запад, в Сибирь и на Дальний Восток, где украинцы и белорусы вместе с великороссами могли бы успешно строить «большую русскую нацию» [7, с. 41].

Таким образом, в Китае на основе традиционного представления о собственной этнической общности, как о единственном центре человеческой цивилизации, сформировалась внешнеполитическая парадигма идеологии китаецентризма. Ассоциации с древними традициями вызывают сохранившееся в современном китайском дипломатическом протоколе конструирование взаимоотношений на основе идеологических факторов и личностных отношений партийных вождей и идеологов, использование иерархизированных категорий, гипертрофированное стремление к самостоятельному подходу к международным проблемам, обострённое чувство престижности и независимости.

Историческим фактором государственного и имперского строительства, инструментом формирования государственной политики царской России был процесс колонизации: она опиралась на традиции вольно-народной колонизации. Правительство осуществляло политическую и экономическую экспансию, решая, таким образом, перспективные геополитические задачи, предусматривавшие активное вмешательство государства в этнодемографические и этноконфессиональные процессы, регулирование миграционных потоков. Россия как бы росла за счёт новых земель – возрождение древнерусской идеи «собирания земель», осуществление проекта «большой русской нации», в котором бы превалировали не этнические черты, а идея общеимперской идентичности.

Изучение исторических и геополитических факторов становления России и Китая, как мощных региональных центров, выявило влияние статусов обеих держав на формирование внешнеполитических доктрин. При разложении на составляющие элементы внешнеполитических доктрин России и Китая, несмотря на цивилизационные различия, обозначается некоторое сходство в установках – в обоих случаях проявляется великодержавное отношение к другим народам. Подобное сходство, при наличии своеобразных национальных

традиций, в разные периоды истории приводило к столкновению национальных интересов двух стран.

Примечание

¹ Термин *стратагема* означает военную хитрость, действие, которое вводит в заблуждение противника / <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=74793>

Литература

1. *Алексеев В.В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. Постановка проблемы // Вестник ДВО РАН. 1998. № 3. С. 64.
2. *Бокицанин А.А.* Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968. С. 42–43.
3. *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т. 1. С. 50.
4. *Корсун В.А.* Внешняя политика КНР в 80-е годы // Современный внешнеполитический механизм Китая. М., 1990, гл. IV. С. 34–38.
5. *Корсун В.А.* Китайский мировой порядок: трансформация внешнеполитической парадигмы. Российская ассоциация международных исследований. (Электронное издание.) www.rami.ru/publications/gorchakov/index.html
6. *Корсун В.А.* Концепция китаецентризма и империализма во внешнеполитических воззрениях Дай Цзитао // Проблемы востоковедения. Учёные записки МГИМО. М., 1978. С. 28.
7. *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31–41.
8. *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск, 1987. С. 51–52.
9. *Померанц Г.С.* Этническое и универсальное в китайской культуре: Тезисы докладов 4-й научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1973. С. 15.
10. *Ремнёв А.В.* Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колониционных процессов XIX – начала XX века. Электронный журнал «Сибирская Заимка». ISSN 2308-4073, № 3. 2002. (Электронное издание.) http://zaimka.ru/03_2002/remnev_motivation/
11. *Уманец Ф.М.* Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. С. 33.
12. *Холквист П.* Российская катастрофа (1914–1921 г.) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // Россия XXI. 1998. № 11/12. С. 30–42.
13. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 тт. и 4 доп. тт. М.: Терра, 2001. Т. 30. С. 736.